

II.

С л о в о

въ день празднованія столѣтняго юбилея Отечественной войны.

*„Не намъ, Господи, не намъ,
но Имени Твоему даждь славу“.*
(Псал. 113, 9).

Таковыми знаменательными словами псалмопѣвца наши благочестивые предки запечатлѣли свои подвиги въ Отечественной войнѣ 1812 года, начертавъ ихъ на серебряныхъ медаляхъ, украсившихъ грудь защитниковъ отечества. Они отреклись отъ той славы, которая принадлежала имъ, и все приписали Единому Подателю благъ Богу. Такъ сдѣлали они не только по смиренію своему, но также и по глубокому признанію дивнаго промысла Божія, явленнаго въ судьбѣ нашего отечества. „Кто человѣкъ или кто люди могли совершить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? Не явленъ ли здѣсь Промыслъ Божій? Ему Единому—слава, хвала, благодареніе“....

говорится въ одномъ манифестѣ Александра Благословеннаго.

Вѣрные священному завѣту предковъ нашихъ, и мы, въ эту священную минуту, съ этого священнаго мѣста, будемъ говорить не о славѣ человѣческой, которая и до нынѣ украшаетъ ихъ память, а о славѣ Божіей, явленной тогда въ дѣлахъ ихъ.

Перенесемся мыслию за сто лѣтъ назадъ въ наше православное отечество. Какое тяжелое испытаніе постигло его! Многочисленная непріятельская армія вступила въ предѣлы его, и наши войска принуждены были долгое время отступать предъ нею: она превосходила ихъ и численностью, и совершенствомъ устройства, и гениальною личностью своего вождя—величайшаго полководца всѣхъ временъ и народовъ. Наконецъ произошла Бородинская битва, но и она не дала намъ побѣды. Половина нашей арміи и храбрѣйшіе изъ генераловъ пали въ сраженіи, а оставшееся войско нуждалось въ отдыхѣ и пополненіи и не имѣло даже прежней надежды на успѣхъ. Въ рукахъ непріятеля очутилась Москва—эта священная столица наша, уже два вѣка невидавшая въ своихъ стѣнахъ непріятеля. Опасность угрожала и Петербургу. Народныя ополченія требовали большого времени для своего обученія. Матеріальныя средства государства истощались. Великій упадокъ духа былъ въ народѣ...

А непріятель? торжество его, повидимому, было полное... Правда, Москва сгорѣла, и ему достались однѣ развалины. Но кого могъ радовать пожаръ родного дома, въ который забрались вору... Правда, армія Наполеона была ослаблена упорной борьбой, но она могла непрестанно пополняться изъ заграницы, такъ—какъ за Наполеономъ стояла противъ насъ вся западная Европа.... При такихъ условіяхъ могъ ли кто въ Россіи надѣяться на счастливое окончаніе войны? По человѣческому разсчету, оставалось одно—заключить миръ, самый унижительный, продиктованный гордымъ побѣдителемъ....

Но вотъ прошелъ послѣ этого одинъ только мѣсяць, и посмотрите—какая чудная перемена!

Вся великая армія Наполеона, словно гонимая какую то невидимую силою, въ паническомъ страхѣ бѣжитъ изъ Россіи, бѣжитъ, бросая повозки, орудія, коней, людей и самыя знамена, устилая трупами весь путь свой отъ Москвы до Нѣмана, перейти которой суждено было только не многимъ жалкимъ остаткомъ ея. А самъ гениальный вождь ея, какъ человѣкъ, совсѣмъ потерявшій рассутокъ, опережаетъ въ своемъ бѣгствѣ другихъ, а около Вильны и совсѣмъ покидаетъ своихъ вѣрныхъ солдатъ.... Проходить еще одинъ мѣсяць,—и на Русской землѣ не остается не одного неприятельскаго воина, и вся Россія уже празднуетъ свое избавленіе „отъ нашествія галловъ и съ вами двадесати языки“...

Какъ же и чѣмъ объяснить такой быстрый и неожиданный поворотъ войны?

Историки—раціоналисты видятъ здѣсь однѣ только естественныя причины: недостатокъ квартиръ и продовольствія, народную войну, деморализацію Французской арміи, забывая, что этимъ самымъ впадаютъ они въ непримиримое противорѣчіе съ собственными же взглядами, допуская, въ одномъ лицѣ и гениальность и недалковидность и топкій математическій расчетъ и вопную растерянность, признавая одну и ту же армію и героически закаленную и ссворшепно лишенною мужества и дисциплины... Но мы, вѣрующіе словамъ Господа, что безъ воли Отца небеснаго не упадетъ на землѣ и одинъ волосъ съ нашей головы, не можемъ не видѣть здѣсь того, что видѣли и засвидѣтельствовали наши благочестивые предки, —чудеснаго промысла Божьяго спасага наше возлюбленное отечество, всесильной десницы Божіей, покаравшей гордость и нечестіе нашихъ враговъ. Самымъ поразительнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ этого является свидѣтельство самихъ неприятелей нашихъ и въ особенности главнаго виновника и участника войны Императора

Наполеона. По его собственнымъ словамъ, какая то роковая сила влекла его къ войнѣ съ Россіей, „война, будетъ“, писалъ онъ къ Королю Виртембергскому; „она будетъ вопреки моеѣ волѣ и вопреки волѣ Императора Александра, вопреки интересамъ Франціи и вопреки интересамъ Россіи“. „Во всей этой войнѣ“ писалъ онъ позже въ своихъ воспоминаніяхъ, „я находился подъ вліяніемъ дурного генія, порождавшаго въ рѣшительныя минуты препятствія, которыя не могли быть предусмотрѣны. Итакъ, по его мнѣнію, таинственная демоническая сила насильно толкнула его въ войну съ Россіей, а затѣмъ и сокрушила его въ этой войнѣ. Въ дѣйствительности это значить, что и самъ онъ въ этой войнѣ ясно почувствовалъ на себѣ тягость десницы Божіей, но, какъ невѣрующій, не хочетъ сознаться въ этомъ и по своему суевѣрно толкуеть....

Теперь спросимъ себя. чѣмъ же наши предки заслужили себѣ такую милость Божію—въ достопамятной войнѣ?—Тѣмъ же, чѣмъ и славные вожди Еврейскаго народа, о которыхъ апостолъ говоритъ что они „вѣрою“ побѣждали царства, были крѣпки на войнѣ, прогнали полки чужихъ“ (Евр. 11, 33—34).

Тѣмъ же, чѣмъ и раньше ихъ славные защитники Русской земли: св. Александръ Невскій, Димитрій Донской, Пожарскій и другіе,—т. е. своею вѣрою и благочестіемъ...

Въ то время, какъ Императоръ французовъ вѣрилъ лишь въ свою звѣзду, и въ его краснорѣчивыхъ приказахъ по арміи нигдѣ даже не упоминается имя Божіе, манифесты и воззванія нашего Государя были полны самой живой вѣрой въ Бога, твердой надежды на его всемогущую помощь, горячей мольбы о спасеніи отечества.

„Воины! вы защищаете вѣру“ (Намъ) „На начинающаго Богъ“. „Съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакая сила человѣческая васъ не одолѣетъ“ „Рука Господня да булетъ надъ вами“!

„Боже всемогущій! даруй поборающему по правдѣ народу Твоему бодрость духа и терпѣвіе“. Вотъ какія и подобныя выраженія мы находимъ тамъ.

Дѣти безбожной революціи, маршалы Наполеона все были люди не вѣрующіе. Не лучше была вся армія Французская, съ такимъ кощунствомъ относившіеся во время своего пребыванія въ Москвѣ къ святынямъ русскаго народа....

Наоборотъ—вожди и воины Русской арміи были все люди религіозные—для большинства изъ нихъ и самая война являлась прежде всего борьбой за вѣру.

Вотъ что, напримѣръ, пишутъ современники о главномъ сподвижникѣ Императора Александра I-го, князѣ Кутузовѣ. „8-го августа 1812 года, тотъ часъ послѣ своего назначенія на постъ главнокомандующаго, отъ Государя онъ поѣхалъ прямо въ Казанскій соборъ, гдѣ спявъ мундиръ, ордепа, знаки отличія и украшенія, молился предъ иконою Божіей Матери со слезами и на колѣняхъ. На слѣдующій день 9-го августа онъ съ женою молился въ церкви Владимирской Божей Матери, „что въ придворныхъ слободахъ“ 11-го августа, на пути въ армію, онъ опять посѣщаетъ Казанскій соборъ, гдѣ, стоя на колѣняхъ, выслушиваетъ молебствіе, пѣлуетъ крестъ и, послѣ окропленія святою водою возлагаетъ на себя подаренный ему образъ Казанской Божей Матери и, выходя изъ церкви, обращается къ священникамъ со словами: „молитесь за меня, ибо меня посылаютъ на великое дѣло“. Или возьмемъ другого сподвижника Александра—генерала Барклай-де-Толли. Вотъ, напримѣръ, небольшой отрывокъ изъ его письма къ женѣ: „если Господь даруетъ успѣхъ предпріятію, которое я имѣю въ виду (онъ разумѣлъ свой планъ военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ), то я заслужу справедливую благодарность стечества,—твои молитвы и наше искреннее упованіе на Бога помогутъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ“....

Возблагодаримъ же, братіе, Бога, сто лѣтъ тому назадъ явившаго свою великую милость нашему возлюбленному отечеству. Будемъ чтить память нашихъ доблестныхъ и благочестивыхъ предковъ и подражать имъ, если Богу угодно будетъ и намъ послать подобное испытаніе. Въ предстоящую же священную минуту помолимся о всѣхъ почившихъ защитникахъ нашего отечества въ войнѣ 1812 года, а въ особенности о положившихъ жизнь свою на полѣ брани,—да оправдаетъ ихъ Господь Богъ на послѣднемъ судѣ Своемъ и удостоитъ вѣчной славы въ небесномъ царствѣ Своемъ.... Аминь.

Преподаватель Ставропольской дух. семинаріи,
діаконъ Іоаннъ Понятовскій.

Ш.

Памяти о. Архимандрита Іерона.

*„Мнози пѣстунни имате о
Христѣ но не мнози отцы“.*
(Слова ап. Павла).

15 августа с. г. отошелъ въ жизнь вѣчную строитель и настоятель Ново-Афонскаго монастыря, что на Кавказѣ, близъ г. Сухума, архимандритъ Іеронъ. Имя сего доблестнаго инока настолько популярно и личность настолько обаятельна, что нельзя не остановить вниманія на немъ.

Газеты и журналы удѣлили памяти его теплое вниманіе. Многія уста, безъ сомнѣнія, произнесли глубокое сожалѣніе о потерѣ его и вмѣстѣ съ тѣмъ, и много рукъ поднялось во всей необъятной Россіи для крестнаго знаменія объ упокоеніи его чистой души въ селеніяхъ праведныхъ. Обозрѣвая мыслепнымъ взоромъ за послѣднее время сошедшихъ въ могилу „толикъ облакъ“ „стражей дому